

ХРИСТИАНСКИЙ КОНТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА

Попова И.В.

к. ф. н., доцент кафедры

социально-гуманитарных дисциплин

Социально-педагогический институт

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. Рассматривается эволюция мировоззрения М.М. Пришвина от эстетического революционно-интеллигентского атеизма к Богу, то есть постижение факта бытия Божия на своём личном житейском, общественном и философском опыте.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, дневники, контекст, эволюция мировоззрения, христианство.

Попова И.В. popovaiv1964@yandex.ru

Михаил Михайлович Пришвин стал «очарованным странником» русской литературы, в то время, когда странничество, «хождение в народ», вышло из моды в кругах интеллигенции. Время появления писателя на литературном небосклоне – «серебряный век» российской словесности, расцвет эстетики модерна, всплеск творческой активности художников, давших начало многим направлениям прозы, поэзии и других видов искусства.

Однако в общем ряду авторов того времени, ныне признанных классиками жанра, литературное наследие Пришвина выделяется не только потому, что, помимо разножанровой прозы, он создал двадцатитомную художественно – документальную летопись – Дневник, охватывающий время от 1905 до 1954 года. Эта грандиозная работа является не только историей путешествия художника в географическом, природоописательном, социологическом или этнологическом смысле (в русской литературе известен жанр «хождения», к которому в полной мере можно отнести внешний сюжет Дневника). Однако наиболее важной внутренней, контекстной основой эпического повествования являются странствия души М.М. Пришвина от эстетического революционно – интеллигентского атеизма к Богу, то есть постижение факта бытия Божия на своём личном житейском, общественном и философском опыте.

Буквально на первых страницах Дневника автор зафиксировал свой исходный «символ веры»: «Может быть Бога – то и нет совсем, и нет на земле правды, и никогда её не будет» [1, с. 115], а накануне ухода из жизни Пришвин стал, безусловно, христианским подвижником, подобным тем вероучителям, которые сохраняли пламя истинного Слова Божия во время языческих гонений первых веков новой эры. «...Пришла ёлочка старинного Рождества, зажглась, и люди пришли, способные без вина сидеть и глядеть на огни» [2, с. 115].

Дневник Пришвина – это не только огромный труд, но и стержень или ствол его творческого дерева, от которого, как ветви, отходят все другие его

работы. Одновременно хроника даёт ключ к религиозным и философским обобщениям, данным в подтексте произведений писателя. Без них бывает трудно распознать и верно истолковать сложную символику скрывающую, в частности православную экзегетику и эсхатологию от бдительной атеистической цензуры.

Мастерство М.М. Пришвина позволило ему установить связь с читателем как бы поверх запретительных барьеров. Он ушёл пробуждать в людях религиозные чувства, даже не называя Имя Господа. Собственно возвращение к Православной вере произошло у писателя во время гражданской войны.

Величайшие страдания народа открыли для Пришвина тайну христианской эсхатологии, то есть глубинное постижение Евангелия он поневоле начал с последней Новозаветной священной книги – Апокалипсиса. В этот период он, помимо дневников, создаёт повесть «Мирская чаша» (1922) пронизанную символикой страшного суда. Чтобы усилить впечатление трагичности октябрьского переворота как мировой катастрофы писатель использует образ князя тьмы, трактуя приход большевиков к власти как воцарение «князя тьмы» [3, с. 115].

В Дневнике писатель поставил для себя цель очень сложную, но вполне определённую. По его мнению, во времена тяжелых физических и моральных испытаний художник должен стремиться к идеалу христианского аскетизма: «Раздать всё своё богатство и остаться ни с чем? Нужно раздать во имя Христа, и тогда останется Христос» [4, с. 115]. И всё же мысль об аскезе – это явно реакция человека недавно воцерковленного, но пока не постигшего всей глубины подвига смирения, следовательно, сделавшего только первый, хоть и вполне решительный шаг на пути к познанию сути явлений заведомо непостижимых. Михаил Михайлович Пришвин стал странником во время, открывающее как бы заново двухтысячелетнюю святоотеческую традицию.

Он начал возводить невидимый миру Храм Божий у себя в душе. И постепенно у Пришвина формируется мировоззренческое кредо, безусловно,

далёкое от аскезы, однако имеющее вполне определённую парадигму, которая выкристаллизовалась в точную мысль, определившую всё его дальнейшее творчество: «История русской литературы отведёт много страниц жизни и творчеству писателя, который в смутное время русской литературы устраивал себе окопы из археологии и этнографии, доставая из родных глубин чистое народное слово, и цеплял его, как жемчужину, на шёлковую нить своей русской души, создавая ожерелья и уборы на ризы родной земли» [5, с. 115].

Поставленная задача: строительство потаённого Храма в душе или украшение ризы родной земли потребовали нового творческого подхода к писательству. «Понимание даётся вниманием. Внимание – любовью. В эту ночь мне хотелось устроить остальную свою жизнь где – то в столичной келье, в ней отказаться навсегда от всякой мечты о своём личном счастье (чтобы и мысль не приходила в голову) и открывать сокровища любви, скрытых в разных незаметных личностях» [6, с. 115].

В 20-30-е годы Пришвин формировал собственный литературный стиль, в котором религиозно – философский, зачастую неугодный для власти, контекст произведения выводился в аксиоматический ряд, то есть становился столь бесспорной истиной, которую ни один цензор – охранитель не смел оспорить. Первым шагом к этому стало создание индивидуального образного ряда, прежде всего, в описании природы. Пришвинские мыслеобразы заключали в себе, как орех в скорлупе, сложнейшие этические христианские догмы, которые легко воспринимались при детски – непосредственном восприятии текста, но были неразличимы для тяжёловесной РАППовской и, позднее соцреалистической критики. Чем читатель был ближе к ребёнку по своему мироощущению, тем яснее он видел свет истины, заключённый в образах, поэтому поиски стиля привели писателя к кажущейся простоте повествования, в сущности, к литературе двойного назначения: для детей и одновременно для взрослых.

Символом нового переосмысления христианского мировоззрения писателя в этот период стали опубликованные в 1937 году главы из романа «Кощеева цепь», ключевая мысль которого является, безусловно, образцом глубокого христианского покаяния в грехе, страшнее которого нет. Смирение и горечь раскаяния перед памятью гимназического учителя В.В. Розанова, оскорбив которого юный Пришвин возвёл хулу не на будущего знаменитого философа, а на Православную Церковь (нарушение первой заповеди). В «Кощеевой цепи» писатель принародно исповедуется и как бы просит у Василия Васильевича Розанова заступничества перед престолом Всевышнего. Тайна исповеди здесь преодолевается одним важнейшим соображением: согрешил открыто (устроил истерику на уроке по поводу того, что учитель географии перекрестился на колокольный звон) – изволь открыто и признать своё грехопадение.

Пришвин перед читателем как бы вступает в диспут с Верой и Церковью, причём на стороне воинствующего атеизма, терпит в этом споре о бытии Божиим сокрушительное поражение и происходит чудо превращения гонителя христианства Фарисея Савла в апостола Павла. При этом писатель выстраивает безупречный с точки зрения цензуры аксиоматический ряд «затемняя» глубинную религиозную сущность дискурса историей исключения нарушителя дисциплины из гимназии.

В отличие от якобы детской литературы полностью «взрослая» работа Пришвина «Фацелия» была подозрительна из-за кажущейся аполитичности, поэтому публикация её задержалась на три года. Она была издана в 1942 году, когда этот манифест любви к Родине был совершенно правильно понят. Ризу земную, украшенную природным совершенством необходимо не только любить, но и защищать.

Поздние произведения Пришвина полны внимания к людям, понимания их заблуждений и ошибок, иногда даже оправдания этой слабости, то есть поистине христианского смирения и любви, однако писатель отнюдь

не «бесконфликтен»: он переводит борьбу людей на язык борьбы идей, доказывая невозможность победы зла над силами добра. Конфликт уводится в глубокий подтекст, в эмпирическое обобщение, которое можно легко расшифровать, взглянув на мир, описанный писателем непредвзято, естественно, опираясь просто на здравый смысл.

Для людей, знакомых со Священным писанием М.М. Пришвин оставлял в тексте своеобразные смысловые маркеры – точки опоры, оперевшись на которые можно ясно рассмотреть и суть православной парадигмы произведения. Так в повести «Кладовая солнца» (1945) таким «маркером» является название заветной ягодной поляны на болоте – «Палестинка», а в сказке «Корабельная чаща» опорной точкой служит имя мудрого лесовика – Мануйло, совпадающее в простонародье с именем, данным при рождении Спасителю – Еммануил (записанное так, как произносили его северные поморы).

Однако и без маркеров ясна притчевая первооснова военной и послевоенной прозы. «Повесть нашего времени» (1944) – притча по мотивам Песни песней Соломоновых, а «Осударева дорога» (1952) – легенда или даже миф о Всемирном Потопе, где в качестве Ковчега показан гроб (снова маркер), куда, в ожидании конца света живьём легла «мирская няня» – староверка Мария Мироновна (символ старой Руси, её одушевлённая совесть) [7, с. 146].

Завершающий период творческой деятельности М.М. Пришвина оказался чрезвычайно плодотворным. Большинство его произведений того времени посвящено простым людям, которых он встречал в Ярославской области, в Усольской эвакуации, в Переславле – Залесском, в Подмосковье. Он создаёт свои притчи и легенды на основе их судеб, но наполняет их глубоким, по сути своей религиозным смыслом. Став «душинским затворником» (построив дом в деревне Душино) он практически всё своё время посвящает народу, творчеству, природе, любимой жене, избегает шумных «мероприятий», тщательно выбирает собеседников и слушателей в

среде «богеми» и в тоже время открыт для общения с простыми людьми: соседями – крестьянами, охотниками, детьми.

Жизнь писателя в послевоенные годы стала как бы воплощением его мечты начала 20-х годов о «монашестве в миру». Затворник, как и положено истинному художнику, переместил все краски мира на листы бумаги, которые он заполнял своим мелким твёрдым почерком, доверяя ему сокровенные религиозно – философские (дневник) мысли, или создавая воображаемые пространства, где мир человека соприкасается с вселенной Бога.

Пришвин во всех своих послевоенных работах удивительно спокоен. Основой его оптимизма является глубокое религиозное чувство, которое по природе своей предназначено для уравнивания хаоса, уныния и беспокойства, поселяющегося в умах и душах неверующих людей. Мир людей у писателя является частью природы, которая устроена Богом справедливо. В конечном итоге даже самые страшные разрушительные катаклизмы сгладятся, как исчезли следы великого ледникового периода, как утихла боль великой войны, и развеялся морок революции.

И при этом время только начинает по-новому открывать нам творчество писателя, который сумел в самые трудные годы напрямую писать о страшных и жестоких проявлениях жизни, чьё иносказание направляло читателей на путь к свету, к Богу, православным нравственным ценностям.

Список литературы

1. Пришвин М.М. Ранний дневник, запись 28 мая 1906 г., Петербург / М.М. Пришвин. – СПб., 2007. – 87 с.
2. Пришвин М.М. Дневник. Запись 6 января 1954 года / М.М. Пришвин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 880 с.
3. Подкосенов А.М. Мироззренческий контекст повести М.М. Пришвина «Мирская чаша» Монография / А.М. Подкосенов. – Белгород – Елец, 2007. – 312 с.

4. Пришвин М.М. Дневник. Запись 3 апреля 1921 года. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 880 с.
5. Пришвин М.М. Дневник. Запись 8 сентября 1922 года / М.М. Пришвин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 880 с.
6. Пришвин М.М. Дневник. Запись 31 декабря 1922 года / М.М. Пришвин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 880 с.
7. Ковырешина О.А. Диалог прошлого и настоящего в романе М. Пришвина «Осударева дорога» / Михаил Пришвин: актуальные вопросы изучения творческого наследия. – Вып. 2 – Елец: – 2003 г. – С. 146.

CHRISTIAN CONTEXT IN THE WORKS OF M. M. PRISHVIN**Popova I. V.**

Ph. D., associate Professor
social and humanitarian disciplines
Social and pedagogical Institute
Michurinsk State Agrarian University
Michurinsk, Russia

Annotation. The evolution of the ideology of M. M. Prishvin from the revolutionary aesthetic-intellectual atheism to God, that is, the comprehension of the fact of the existence of God in his personal life, social, and philosophical experience.

Key words: M. M. Prishvin's diaries, context, evolution of a worldview, Christianity.